

ISSN 0042-8779

ЛВИ

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ

1

—
2007

Эвакуированные ленинградцы на Вологодской земле

В.Б. Конасов

Чрезвычайная обстановка, сложившаяся под Ленинградом и в целом на Северо-Западе страны, уже летом 1941 г. определила положение Вологодской области как важнейшего пункта приема и размещения эвакуированного населения. 11 июля 1941 г. Вологодский обком ВКП(б) и облисполком обязали партийные и советские органы на местах «немедленно приступить к работам по организации встречи и размещения эвакуированного населения». 16 июля бюро обкома партии утверждает начальником Череповецкого эвакопункта П.Е. Малкова, а начальником Вологодского эвакопункта С.К. Балдычева. Одновременно принимается план размещения в 27 районах области 100 тыс. эвакуированных. Для их расквартирования выделяется 17 976 жилых домов и помещений. Наибольшее количество эвакуированных должны были разместить районы: Харовский — 7500, Тотемский — 6500, Кадуйский, Устюженский, Кирилловский, Белозерский, Пришекснинский, Чебарский, Междуреченский и Биряковский — 4500 человек каждый¹.

К 21 июля 1941 г. в области было расселено 30 976 человек из Ленинграда, Карелии и других районов Северо-Запада. Кроме того, эшелоны с 220 тыс. эвакуированных прошли к указанной дате через Вологодский железнодорожный узел и еще 36 тыс. человек перевезли суда Шекснинского и Сухонского пароходств².

В деблокадный период эвакуация населения из города на Неве проходила прежде всего по Октябрьской и Северной железным дорогам. В Вологодскую область из Ленинграда, различных районов Ленинградской области и Карело-Финской ССР прибыло около 30 тыс. детей.

13 августа Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверником принял решение № 74сс, согласно которому эвакуации из Ленинграда подлежало 700 тыс. членов семей рабочих и служащих. В Вологодскую область направлялось 40 тыс. человек. 30 августа 1941 г. бюро обкома ВКП(б) предложило облздравотделу и облоно обратить особое внимание на медицинское обслуживание и воспитательную работу с эвакуированными детьми в Вытегорском, Череповецком, Андомском районах, а также на Вологодском железнодорожном узле и пристани Вологда. Одновременно предписывалось расширить сеть детских садов и яслей в Вологде, улучшить работу приемника НКВД по обслуживанию ребят, отставших от эшелонов³.

Конасов Виктор Борисович — доктор исторических наук, профессор Вологодского института права и экономики.

Однако, запланированная ЦК ВКП(б) массовая эвакуация ленинградцев в тыл была сорвана. 29 августа через станцию Мга, которая в тот же день была занята немцами, из Ленинграда в Вологду проследовал последний санитарный поезд, в котором находилось 754 раненых бойца. В отчете об этом рейсе говорится: «29 августа с 12 часов 30 минут до 21 часа ВСП-110 подвергался беспрерывной бомбардировке с воздуха. Прямыми попаданием бомбы были зажжены два вагона, оба сгорели. Из вагонов извлечены три трупа. Все остальные раненые, находившиеся в вагонах, были спасены. Мужество и самообладание проявили медсестра Таня Останина и проводник вагона Шура Кузнецова. Первая, несмотря на вражеский обстрел, продолжала оказывать помощь раненым, а вторая, пользуясь ручным тормозом, предотвратила катастрофу поезда, когда тот, потеряв управление, шел под откос»⁴.

Рейс ВСП-110 поставил последнюю точку в истории деблокадного периода эвакуации. Нарком путей сообщения Л.М. Каганович доложил Сталину о том, что движение поездов из Ленинграда и на Ленинград прервано по всем линиям¹⁵. Всего к 30 августа 1941 г. в Вологодской области разместилось более 100 тыс. эвакуированных граждан. Кроме того, по данным Управления военных сообщений Ленинградского фронта, из Ленинграда в госпитали Вологды, Череповца, Шексны, Бабаева было доставлено 57 220 раненых воинов⁶.

До 8 сентября 1941 г., пока не замкнулось блокадное кольцо, а финские войска не вышли на р. Свирь, осуществлялось сквозное движение судов с эвакуированными ленинградцами по маршруту Нева — Ладожское озеро — р. Свирь — Онежское и Белое озера — Рыбинское водохранилище. Водным путем люди прибывали в Череповец на деревянных баржах, на каждой из которых размещалось 300—400 человек. Уже в тот период работники Череповецкого эвакопункта столкнулись с первыми жертвами голода и болезней. В отчете говорится: «...Медицинская помощь оказана 5028 эвакуированным ленинградцам. Многие случаи заболеваний ускользали от врачебного контроля, так как о них не сообщалось из-за нежелания быть высаженными в Череповце и прервать, таким образом, маршрут. Снято с барж 128 умерших, из них 27 взрослых и 101 ребенок. Большинство оставленных на баржах больных страдало желудочно-кишечным расстройством, в особенности дети, из которых многие обнаруживали признаки дистрофии, что, безусловно, объясняется продолжительным пребыванием в пути, плохим питанием и плохими санитарно-гигиеническими условиями на баржах»⁷.

С 12 сентября до середины ноября 1941 г. эвакуация шла сухопутно-водным маршрутом: Ленинград — Осиновец — Новая Ладога — Волхов — Тихвин — Череповец — Вологда. Основная масса эвакуированных отправлялась в тыл на боевых кораблях Ладожской военной флотилии. Частые штормы и постоянные налеты вражеской авиации делали плавание не безопасным. Добравшись до Новой Ладоги ленинградцы пересаживались на грузовые автомашины и ехали до станции Волхов. Оставшийся путь до Вологды они проделывали по железной дороге. О том, в каких экстремальных условиях эвакуированные добирались до места назначения, свидетельствуют очевидцы событий. Начальник эвакогоспиталя № 3740 в Бабаеве Н.В. Матаруева вспоминает: «28 октября на Бабаево налетели несколько бомбардировщиков. На станции стояли эшелоны с людьми, многие даже не успели выскочить из вагонов. Немцы бомбили с бреющего полета. Защиты от них, по сути дела, никакой не было. И в вагонах, и по земле мы ходили в крови. Стоны, крики... Кто-то как неживой среди трупов и развала бродит. Кто-то нашел родственника мертвого. К нам в госпиталь несли и несли раненых. Клали уже на пол»⁸.

В октябре авиация противника 98 раз совершила налеты на участки Тихвин — Череповец и Тихвин — Будогощь. Вот только две выдержки из журнала боевых действий Череповецко-Вологодского дивизионного района ПВО за октябрь 1941 г.: «14 октября. В 11.10. на 401 км перегона Уита — Ширьево сброшена пятисоткилограммовая бомба. Разрушен путь, пять пролетов свя-

зи. В 14.10 на перегоне Уйта-Ширьево сброшено 8 бомб на поезд. Убито четыре человека».

«16 октября. В 10.10 на перегоне Тешемля — Колодинка бомбардирован поезд. Убито четыре, ранено девять человек».

К 1 декабря 1941 г. в результате 315 вражеских налетов из строя вышло 13 700 погонных метров пути, 5 железнодорожных мостов, около 800 вагонов, 42 паровоза. По неполным данным было убито 430 и ранено 590 человек. 31 октября 1941 г. секретарь Вологодского обкома партии П.Т. Комаров и председатель облисполкома А.Д. Абрамов обратились к заместителю председателя совнаркома СССР А.И. Микояну с просьбой дополнительно выделить области 800 т молока, 150 т рыбы, 50 т мяса, 100 т сахара, 50 т животного масла. Кроме того, ставился вопрос о выделении области швейных изделий, хлопчатобумажной ткани на общую сумму 4 млн рублей. Просьба мотивировалась тем, что исключительно остро стоял вопрос о снабжении 130 тыс. эвакуированных, в том числе 70 тыс. детей. Очень многие дети не имели одежды и обуви, и не могли посещать школу⁹.

С 15 ноября единственной ниточкой, способной связать Ленинград с Большой землей, стал воздушный мост. Первым его проложили транспортные самолеты, приступившие к полетам с Вологодской авиабазы в сентябре 1941 года. Из Ленинграда в тот период и до конца декабря в Подборовые и Хвойную прибывали раненые. Отсюда их на поездах вывозили в госпитали Вологды. С окончанием навигации на Ладоге значение воздушного моста еще более возросло. Рейсы в Ленинград стал выполнять полк тяжелых бомбардировщиков, базировавшийся на Череповецком аэродроме. Самолеты доставляли в осажденный город продовольствие и медикаменты. Обратными рейсами шла эвакуация населения. Из Ленинграда вывозили, в первую очередь, детей, ученых, инженеров, конструкторов. Когда боевая машина с первой партией эвакуированных прибыла на Череповецкий аэродром, командир экипажа предупредил встречающих: «Детей у нас на борту двадцать шесть. С ними воспитательница и няня. Ребятишки настолько оголодали, что не могут даже ходить. Придется выносить на руках»¹⁰.

28 октября 1941 г. Совет по эвакуации принял специальное постановление, согласно которому на самолетах через Ладожское озеро было намечено вывезти 200 наиболее крупных ленинградских ученых. Вот как запомнилось бывшему авиационному штурману В.И. Аккуратову это событие: «В шесть утра к самолету была доставлена первая партия научных сотрудников Арктического института. Страшно было смотреть на этих людей — скелеты, обтянутые серо-желтым пергаментом. Среди прибывших было много и знакомых, с которыми мы не раз летали в Арктику, встречались по работе в Москве. Но сейчас мы узнавали их только по фамилиям. Так, в списке эвакуируемых сотрудников института числился профессор Б.Ф. Архангельский. Год назад я с ним виделся. Это был цветущий, жизнерадостный мужчина, полный сил и здоровья. Теперь мы увидели лежащую мумию. Он уже не мог ни ходить, ни стоять. Я взял его на руки и перенес в самолет...»¹¹.

В ноябре 1941 г. обстановка на Северо-Западном театре военных действий обострилась. 8 ноября немцы захватили Тихвин. 14 ноября Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин телеграфировал в Государственный Комитет Обороны: «Мне кажется необходимым, чтобы были выяснены возможные пути и способы снабжения Ленинграда в условиях зимы: гужевое, автотранспортное, самолетами... Немцы, очевидно, ведут линию дальнего прицела, метят на Вологду, чтобы отрезать для нас непосредственную связь с Америкой» (автор телеграммы имеет в виду намерение противника сорвать поставки союзников по ленд-лизу, которые через Архангельск шли на Вологду и далее). В ответной телеграмме И.В. Сталина говорилось: «Письмо получил. Ваши соображения насчет Ленинграда и Вологды совершенно правильны и вполне своевременны. Принимаем все необходимые меры»¹².

Для предотвращения возможного удара противника на Вологду командование 59-й армии было приказано приступить к сооружению оборони-

тельного рубежа на участке оз. Белое — р. Шексна — Рыбинское водохранилище. 18 ноября председатель Вологодского облисполкома А.Д. Абрамов получил телеграмму старшего инспектора Совета по эвакуации А.Н. Косыгина с требованием оборудовать на станции Зaborье эвакопункт. Планировалось, что здесь будут ежесуточно питаться, а при необходимости получать медицинскую помощь не менее 5—7 тыс. ленинградцев. Люди должны были прибывать в Зaborье со станции Кобона на автомашинах. Дальнейший путь на Череповец и Вологду шел по железнодорожной магистрали. 29 ноября начальник Северной железной дороги (СЖД) Н.А. Груничев сообщил, что военное командование предложило ему «подготовить и обеспечить людские перевозки в размерах ориентировочно от одного до полутора миллионов человек». В этой связи начальник СЖД просил Вологодский обком ВКП(б) и облисполком оказать ему помощь в выделении для оборудования вагонов 750 тыс. досок, 25 тыс. вагонных рам, 25 тыс. фонарей, 25 тыс. печей ¹³.

6 декабря было закончено строительство дороги в обход занятого немцами Тихвина до станции Зaborье. В тот же день Военный совет Ленинградского фронта принял постановление начать с 10 декабря эвакуацию населения по трассе Ваганово — Зaborье, доведя к 20 декабря количество вывозимых людей до пяти тысяч человек в сутки. Назначенный начальником эвакопункта в Зaborье П.Е. Малков вспоминал, что работы по его оборудованию были прерваны налетом вражеских самолетов. В результате мощных бомбардировок эвакопункт был полностью уничтожен. При этом погибла заведующая Вологодским облздравотделом Р.С. Айзикович. О том, что произошло, уведомили Москву. По указанию старшего инспектора по эвакуации Косыгина персонал разбитого эвакопункта отправился из Зaborья в Бабаево. Здесь эвакопункту было выделено двухэтажное здание неподалеку от железнодорожной станции ¹⁴.

Впрочем, вскоре необходимость иметь на станции Зaborье эвакопункт вообще отпала. 9 декабря 1941 г. был освобожден Тихвин. Железнодорожное сообщение с Вологдой возобновлялось. Автомобильный путь в Ленинград сократился с 320 до 190 километров. Появились условия для массовой эвакуации населения из блокадного города. Выступая 11 декабря 1941 г. на пленуме Вологодского обкома ВКП(б), первый секретарь обкома П.Т. Комаров сказал: «На нашу область возложена огромная задача: принять людей, накормить их, обработать в санитарном отношении, посадить в поезд и отправить дальше на Восток» ¹⁵. Однако массовой отправки населения из блокадного Ленинграда не произошло. 12 декабря Военный совет Ленинградского фронта принял решение отменить эвакуацию впредь до особого распоряжения.

Историки выдвигают различные версии, чем было продиктовано такое решение. В качестве причин называется необходимость в более тщательной подготовке к отправке огромного количества людей, нехватка подвижного состава, опасность транспортировки эвакуируемых по неокрепшему льду Ладожского озера. Главная причина отдаления сроков эвакуации крылась в позиции Сталина. Советского вождя в первую очередь волновала не судьба ленинградцев, а достижение успеха в боевых операциях. 23 октября 1941 г. он потребовал от командующего Ленинградским фронтом И.И. Федюнинского восстановить прочную связь с 54-й армией. «Восстановление этой связи, — внушил он командующему в ходе переговоров по прямому проводу, — необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленинградского фронта, но и, особенно, для того, чтобы дать выход войскам фронта для отхода на восток — для избежания плена в случае, если необходимость заставит сдать Ленинград... Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток. Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будетдержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важней». Равным образом объясняется решение об отмене постановления Военного совета Ленинградского фронта от 6 декабря 1941 г. о массовой эвакуации населения. Stalin настоял на проведении наступательной операции по снятию блокады. 17 декабря командованию Ленинградского и Волховского фронтов было приказано окру-

жить и пленить немецкие войска, а, «в случае отказа противника сдаться в плен, истребить его»¹⁶.

Эвакуации населения из Ленинграда не проводилось ни в декабре 1941 г., ни в первой, ни во второй декадах января 1942 года. Между тем Любанская операция по прорыву кольца блокады провалилась. 10 января Ставка дала указание приостановить наступление на оборонительные порядки противника на р. Волхов. Не принесло результатов и возобновленное через три дня новое наступление. Уже 17 января 1942 г. 54-я армия прекратила наступательные действия. Полуторамесячная задержка с вывозом населения унесла приблизительно 105—115 тыс. жизней ленинградцев. Каждый день в декабре 1941 г. и январе 1942 г. умирало более двух с половиной тысяч человек¹⁷.

18 января 1942 г. СНК СССР вынес постановление «Об эвакуации населения из города Ленинграда и расселения в Вологодской области 20 000 человек». Намечалось разместить 2500 человек в Вологде, 1000 — в Соколе, остальных в 14 районах области. В постановлении говорилось, что среди эвакуированных будет какое-то количество больных и ослабленных. Однако акцент на данном обстоятельстве в документе не делался и каких-либо экстраординарных мер в этой связи не намечалось¹⁸. Между тем, когда в Вологду 26 января прибыл первый эшелон, стало ясно, что готовиться необходимо к гораздо более значительному количеству больных.

«Встреча первого эшелона, — сказано в отчете уполномоченного Управления по эвакуации населения по Вологодской области А.И. Подморина, — показала, что больных будет поступать значительно больше и с более тяжелыми болезнями, чем предполагали. Поэтому встала срочная необходимость немедленно организовать в Вологде и на промежуточных пунктах специальные эвакогоспитали и значительно усилить работу существующих медпунктов». В отчете говорится о том, насколько четко была осуществлена организация для эвакуированных в Вологде, Череповце и Бабаеве эвакогоспиталей, насколько оперативно выявлялись и снимались с эшелонов больные ленинградцы¹⁹.

Однако не все получалось так своевременно и организованно. По свидетельствам очевидцев с первого же поезда снимали не только больных, но и десятки трупов. Людей не успевали хоронить. В докладной записке заместителя начальника УНКВД Вологодской области майора милиции Ю.Л. Максимова сообщалось об обнаружении двух свалок трупов в районе железнодорожной станции Вологда-1. «По настоюнию органов милиции, — говорилось в донесении, — трупы в ночь с 29 на 30 января убраны. Однако обнаружен второй склад трупов — в сарайках, рядом со въездом на виадук, откуда проходящие граждане наблюдают, и как везут на санках трупы, и гору трупов, находящихся в сарайке. Эффективных мер к своевременной уборке трупов администрация железной дороги не предпринимает. Считаю необходимым поставить изложенный выше вопрос на обсуждение Вологодского Комитета Обороны»²⁰.

Вологодский обком и горком ВКП(б) срочно мобилизовали для работы по обслуживанию прибывающих ленинградцев около 2000 человек. Большинство недостатков в деле обслуживания проходящих эшелонов с эвакуированными ленинградцами было устранено. Только за период с 24 января по 24 апреля головной буфет станции Вологда-1 во главе с его начальником А.А. Шарманкиным обслужил почти 202 тыс. ленинградцев. Одновременно в комнате «Матери и ребенка» было организовано питание 17 925 детей.

В процессе устранения имеющихся недостатков не была забыта и пропагандистская сторона дела. С 20 февраля 1942 г. на Вологодском железнодорожном узле начала работать выездная редакция газеты «Комсомольская правда». До 10 апреля 1942 г. ее сотрудники выпустили 42 номера многотиражной газеты «Все для города Ленина!». В первом номере газеты было напечатано письмо секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ: «Вологодские комсомольцы! От вас зависит четкая работа железнодорожного конвейера. Сделайте так, чтобы поезда на запад и на восток шли без задержек, чтобы люди, которые едут в поездах, ни в чем не нуждались»²¹.

Решением Вологодского облисполкома для эвакуированного населения, подлежащего расселению в области, устанавливались следующие нормы обеспеченного рациона: хлеба — 500 (выдавался на сутки), крупы — 65, мяса или рыбы — 75, жиров — 15, сахара — 10 граммов. Тем ленинградцам, которые ехали транзитом через Вологду облисполком 27 февраля 1942 г. распорядился выдавать сухой паек, который включал в себя такой набор продуктов: хлеб — 500, масло сливочное — 100, сгущенное молоко — 200 граммов ²².

Принятое постановление о нормах питания эвакуированных еще не гарантировало, что все ленинградцы смогут получить обед, равно как и то, что положенная им порция супа или каши будет по весу соответствовать установленной норме. В спецсообщении начальника УНКВД Вологодской области Л.Ф. Галкина от 22 апреля 1942 г. на имя первого секретаря обкома ВКП(б) В.Ф. Николаева говорилось, что пункт выдачи талонов на обед по улице Володарского пропускает через себя ежедневно 1500-1600 человек. Для того, чтобы получить талон люди выстаивают в очереди по 6-8 часов. В столовой № 1, где они питаются, качество обедов низкое, имеют место случаи обвешивания. В этой связи начальник УНКВД предлагал простой, но эффективный выход из создавшейся ситуации. Во-первых, очередь за талонами свести к минимуму, открыв несколько пунктов по их выдаче. Во-вторых, прикрепить часть эвакуированного населения к другим столовым города ²³.

На небольших станциях работу по приему эвакуированных ленинградцев осуществляли медпункты. Заведующая одним из них З.А. Соколова возглавила бригаду сандружинниц из 18 человек. Только за период с 23 февраля по 20 апреля 1942 г. девушки сняли с эшелонов и отправили в госпитали 1700 ленинградцев. Мест для больных в госпиталях очень часто не хватало, и тогда сандружинницы временно размещали их на квартирах либо у себя, либо у соседей, либо у сердобольных жителей и там оказывали доврачебную медицинскую помощь ²⁴.

14 февраля 1942 г. бюро Вологодского обкома ВКП (б) постановило выделить для больных ленинградцев дополнительно пять зданий, в том числе городской театр юного зрителя, часть здания центральной городской библиотеки, часть помещения конторы треста «Трансторгпти», здание треста «Вологдалес», один из домов Управления Северной железной дороги. Одновременно предлагалось довести до сведения заместителя председателя СНК СССР А.И. Микояна тот факт, что эшелоны с эвакуированным населением, следующие со станции Жихарево, оборудованы плохо, питание людей в пути следования организовано неудовлетворительно ²⁵.

О том, как было организовано медицинское обслуживание эвакуированных ленинградцев в стационарных лечебных учреждениях в январе-феврале 1942 г. свидетельствует справка начальника Управления по обслуживанию госпиталей при Вологодском городском отделе здравоохранения Р.В. Туркестанской. В этом документе говорится: «К моменту организации управления эвакогоспиталями при горздраве существовали общежития (вернее — подобия), которые напоминали собой вокзал, т.е. в каждой комнате жило несколько семей... Пища подавалась в кровати, больных утром не умывали, обслуживающего персонала было мало. Дежурных врачей не было, ночью больных обслуживала только медсестра. Пища, как правило, подавалась нерегулярно, кормили два раза в день, третий раз не успевали.

Грязь и вшивость была большая, в связи с отсутствием санитарного блока больных мыть было нечем и негде. Одна смена белья не могла удовлетворить, так как больные дистрофики, в 80% случаев страдали желудочно-кишечными расстройствами (колиты, энтероколиты). Отсутствовали дезкамеры.

Порядок вывоза больных в госпитали был таков: их грузили в автобус и возили по госпиталям (везде перегрузка), пока какой-либо госпиталь не скажется и не возьмет ²⁶.

10 апреля 1942 г. бюро Вологодского горкома ВКП(б) отмечает, что организованные для лечения эвакуированного населения госпитали работают неудовлетворительно. Увеличилась заболеваемость тифом, возросла смерт-

ность. В этой связи руководителям горздравотдела, начальникам и комиссарам госпиталей предлагалось в пятидневный срок покончить с антисанитарным состоянием помещений и обеспечить образцовый уход за больными. Заведующей горздравотделом А.И. Розовой предписывалось срочно укомплектовать госпитали квалифицированными кадрами. В качестве дополнительных мер планировались строгий учет за расходованием предназначенных для больных продуктов и наведение порядка в деле сохранности вещей, одежды и ценностей, поступающих от пациентов ²⁷.

С момента начала массовой эвакуации, то есть с 18 января и до 25 апреля 1942 г. из Ленинграда через Вологодскую область проследовало 496 тыс. человек. В Вологде, Череповце, Соколе и 27 районах области было размещено 20 733 человека. 1847 человек было сразу же трудоустроено, 7169 направлено в госпитали, 1286 детей школьного возраста направлены на учебу в 34 школы города Вологды ²⁸. Наиболее высокий процент летального исхода среди эвакуированных ленинградцев падает как раз на массовый период эвакуации. Смерть ни для кого не делала исключения. Только в феврале 1942 г. в госпиталях и больницах области скончались: профессор Н.И. Юферов, главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Н.З. Стругацкий, художник, участник творческой группы «Боевой карандаш» Н.А. Тырса, старший научный сотрудник Арктического института Г.П. Горбунов, исследователь Арктики полярный капитан Д.М. Апплонов.

В апреле потеплело, и из госпиталей стали вывозить трупы. Автотранспорта не было, и их отправляли на кладбище на лошадях. Бывший комиссар вологодского эвакогоспитая № 1 Л.В. Соломонова вспоминает одну из таких поездок: «На горе у телеги сломалось колесо. Кучер ушел искать инструмент. Уставшая лошадь, привязанная к дереву, дернулась, и все трупы оказались на земле. Кто-то из бдительных граждан позвонил в милицию. Хорошо, что явился кучер, исправил колесо, и мы кое-как добрались до кладбища». Здесь Лицию Васильевну и нашли работники НКВД. Хорошенько припугнув комиссара госпитая 58-й статьей об антисоветской пропаганде и агитации, они удалились. «Если бы я не была работником прокуратуры, — резюмирует Соломонова, — поверьте, не доказать бы было, что это получилось без умысла» ²⁹.

Подводя итоги зимне-весеннему периоду эвакуации, уполномоченный управления по эвакуации населения по Вологодской области А.И. Подморин, писал 29 апреля 1942 г. в «Справке» на имя секретаря обкома партии Б.Ф. Николаева и председателя облисполкома А.Д. Абрамова: «С 26 января по 25 апреля было госпитализировано 7389 человек... В основном все больные, снятые с эшелонов поступали в состоянии дистрофии 2 и 3 степени, с сопутствующими желудочно-кишечными заболеваниями... смертность среди госпитализированных была очень высокая — до 25%, особенно высокой была смертность в первые 2—3 дня пребывания людей в госпитале». Подморин предлагал провести ряд неотложных мер, поскольку «эвакуация населения из Ленинграда в летний период будет продолжена». В частности, привести в полную готовность развернутые ранее в Бабаеве и Вологде эвакогоспитали; организовать в Череповце дополнительный эвакогоспиталь на 250 коек, обеспечив его всем необходимым; в срочном порядке трудоустроить всех эвакуированных жителей Ленинграда, размещенных в области ³⁰.

Обращение уполномоченного управления по эвакуации населения в партийные и советские органы не прошло бесследно. Дела с обслуживанием ленинградцев в летне-осенний период эвакуации обстояли гораздо лучше. К августу 1942 г. свыше 150 тыс. ленинградцев смогли вселиться в 25 806 вновь построенных или отремонтированных домов утепленного типа и отдельные квартиры. Подавляющее большинство эвакуированных ленинградцев было трудоустроено. Улучшилось и медицинское обслуживание. Уже упомянутый комиссар вологодского эвакогоспитая № 1 Вологды Л.В. Соломонова вспоминает, что постепенно прием больных был упорядочен. «Нельзя не отметить, — вспоминает бывший комиссар госпитая, — заботы о ленинградцах

со стороны областного торгового отдела. Госпиталям с базы отпускалось все: жиры, хлеб, мясо, консервы, овощи, молоко и — диво! — фрукты»³¹.

В справке, подписанной А.И. Подмориным, говорится, что за период с 1 июня по 1 августа 1942 г. через Вологду прошло 143 эшелона, в которых транспортировалось 287857 ленинградцев. В Вологде было разгружено 83 эшелона. Из них в пути следования по территории Вологодской области умерло 105 человек. В госпитали области было направлено на излечение 867 человек, в том числе в Вологду — 515, Великий Устюг — 198, Бабаева — 87, Череповец — 67 человек. В отчете начальника пассажирской службы Северной железной дороги сказано, что в летний период значительно улучшилось медицинское обслуживание. Заболеваемость и смертность в пути, по сравнению с зимними перевозками, имели не такой высокий уровень³².

К 1 апреля 1943 г. в Вологодской области было размещено 165 160 ленинградцев, а всего к указанной дате через Вологду и другие населенные пункты в тыл различными видами транспорта проследовало 3 119 605 человек³³. По сведениям составителей книги-мартиролога «Реквием», на Вологодской земле скончалось не менее 17 тыс. эвакуированных. В то же время, профессор А.П. Веселов разделяет мнение тех, кто считает, что на Вологодской земле умерло не менее 30 тыс. ленинградцев³⁴.

В январе 1942 г. на повестке дня оказался вопрос о безнадзорности ленинградских детей в местах эвакуации. Практически в каждом эшелоне насчитывалось несколько десятков ребят, которые по тем или иным причинам остались одни. Работники железнодорожной милиции, комнаты матери и ребенка собирали беспризорных детей на платформах, а затем направляли кого в детский дом, кого в детский приемник — распределитель. Работница детской комнаты при вокзале А.А. Карзунова вспоминает: «В комнатах, куда помещали детей, стояла непривычная тишина — ни детской возни, ни смеха, ни капризного плача. Ели дети тоже особенно. К тарелке с едой не бросались. Смотрели молча, пока им положат пищу. Редко кто протягивал руку и просил хлеба. А когда получат ломтю, то сначала отщипнут маленький кусочек, положат в рот и долго держат во рту не глотая»³⁵.

Судьбу беспризорных детей 6 февраля 1942 г. рассматривал Вологодский горком и горисполком. Принятые «Мероприятия по ликвидации детской безнадзорности» предусматривали создание специальной комиссии, в которую вошли представитель городского отдела народного образования, горкома ВЛКСМ, городского отдела здравоохранения, управления НКВД и городского профсоюза учителей. Возглавить комиссию поручалось заместителю председателя горисполкома Н.А. Каратиной³⁶.

Всего в область прибыло 79 206 детей, в том числе 77 260 детей приехали с родителями и 1946 были вывезены из Ленинграда вместе с детскими учреждениями. Для безнадзорных детей к 1 сентября 1943 г. было открыто 50 бюджетных детских домов. Еще 22 детских дома были открыты на добровольные пожертвования и содержались на средства самих трудящихся. В этих детских домах находилось более 8120 воспитанников. Кроме того, к указанной дате в Вологодской области было усыновлено 273 ребенка³⁷.

Материальную помощь получали не только дети, но и взрослые. В области был создан инициативный фонд для оказания помощи эвакуированным.

А.В. Коломкина, в годы войны председатель одного из сельсоветов Грязовецкого района, вспоминает: «Ни одной деревенской семьи не было, которая бы к ленинградцам отнеслась плохо. Кто что мог, все несли: молоко, хлеб, лук, мяса кусочек. Помню вот семью Демидовых: мать с голоду умерла, отец под Ленинградом воюет, а их трое приехали: сестра и два брата. Шура с Витей до квартиры сами дошли, а Колю, еле живого, легонького на руках нести пришлось... Выходили ленинградцев, Коля Демидов еще пахал потом, и неплохо»³⁸.

Многие из эвакуированных жителей города на Неве заслужили признательность вологжан за профессионализм и верность любимому делу. До сих пор ветераны-медики добрым словом вспоминают ортопеда профессора

М.И. Куслика, рентгенолога профессора Д.Г. Рохлина, невропатолога профессора С.Н. Давиденкова и многих других.

Особенно запомнились людям военного поколения ленинградские актеры и музыканты. В 1942 г. приступил к работе эвакуированный из Ленинграда кукольный театр под руководством Е.С. Деммени. Первым директором областной филармонии стал ленинградец О.М. Раскин. Балетный кружок Дома пионеров вела преподаватель Ленинградского хореографического училища М.Ф. Роппейто-Дубяго. Однако милосердие и гуманизм по отношению к ленинградцам проявляли не все жители Вологодской области.

Порой бездущие и произвол по отношению к людям, пережившим блокадные дни, допускали руководители торговых и снабженческих организаций, председатели колхозов и совхозов. Согласно сообщению УНКВД Вологодской области от 16 мая 1942 г. на имя первых руководителей области в Тотемском районе проживало 6470 эвакуированных. Для снабжения этих людей райпотребсоюзу на первый и второй кварталы были выделены специальные продовольственные и промтоварные фонды. Однако, как показала проверка, ни одного килограмма мяса и масла, ни одной пары обуви, ни одной фуфайки никто из эвакуированных ленинградцев не получил. Находились люди, пытавшиеся улучшить свое материальное положение преступным путем. Так, в июне 1942 г. работниками 2-го отделения милиции Вологды в одном из госпиталей была вскрыта воровская группа, в которую входило 19 человек обслуживающего персонала. У преступников было изъято вешей на сумму свыше 300 тыс. рублей и другие ценности. Награбленный товар продавался через магазины города ³⁹.

Судьбой эвакуированных ленинградцев впервые на профессиональной основе стали интересоваться именно на Вологодчине. 27 августа 1988 г. в Вологде на Пошехонском кладбище был открыт мемориал ленинградцам, захороненным на Вологодской земле. В процессе изучения архивных материалов было выявлено более 17 тыс. эвакуированных, скончавшихся в городах и поселках области. Чтобы установить имена и фамилии этих людей потребовалось почти два года работы в архивах. В конечном итоге были изданы два тома «Реквиема».

Примечания

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ), ф. 2522, оп. 3, д. 29, л. 26—40.
2. Вологодская область в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Архангельск. 1971, с. 174—175.
3. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, д. 1, л. 80—81; д. 31, л. 180—181.
4. Архив Военно-медицинского музея Министерства Обороны Российской Федерации (АВММ МО), ф. 308, оп. 12804, д. 62, л. 17—21.
5. Известия ЦК КПСС, — 1990, № 8, с. 214.
6. ЧИВИЛЕВ М.Г., ЕФИМОВ А.С., МАТРОСОВ П.А., СИНЕЛЬНИКОВ И.О. Магистрали бесстрашных (Очерк боевого пути ж-д войск и службы военных сообщений Ленинградского фронта). Л. 1971, с. 62.
7. Государственный архив Вологодской области (ГАВО), ф. 3105, оп. 28, л. 128.
8. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев, захороненных в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. Вологда. 1990, с. 10.
9. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, д. 7, л. 109—111; д. 719с, л. 84—85.
10. МИХЕЛЬСОН В.И., ЯЛЫГИН М.И. Воздушный мост. М. 1988, с. 196.
11. АККУРАТОВ В.И. Ленинградская хроника ПС-84. — Вокруг света, 1979, № 5, с. 28.
12. БУРОВ А.А. Блокада день за днем. Л. 1979, с. 90.
13. АКИНЬХОВ Г.А. Эвакуация. Вологда, 1992, с. 82, 83.
14. Там же. Ук. соч., с. 84.
15. ВОАНПИ, ф. 2592, оп. 3, д. 8, л. 85.
16. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16. М. 1966, с. 259, 339.
17. Акиньхов Г.А. Ук. соч., с. 85.

18. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, д. 272, л. 126—129.
19. ГАВО, ф. 3105, оп. 2, д. 3, л. 12—13.
20. ВОАНПИ, ф. 3868, оп. 1, д. 7, л. 168—169.
21. Там же, ф. 2522, оп. 3, д. 400, л. 1.
32. ГАВО, ф. 3105, оп. 1, д. 36, л. 30.
23. Архив управления федеральной службы безопасности Вологодской области (Архив УФСБ ВО), ф. 1пх, оп. 14, п. 10, л. 101—101об.
24. ВОАНПИ, ф. 3892, оп. 6, д. 31, л. 93.
25. Там же, ф. 1858, оп. 5, д. 152, л. 8, 16об.
26. Там же, д. 5а, л. 96—97.
27. Там же, ф. 1858, оп. 5, д. 5а, л. 96—97.
28. Там же, ф. 2522, оп. 3, д. 69, л. 1; д. 332, л. 1—2.
29. АКИНЬХОВ Г.А. Ук. соч., с. 75.
30. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, д. 332, л. 9.
31. ГАВО, ф. 3105, оп. 1, д. 28, л. 243; АКИНЬХОВ Г.А. Ук. соч., с. 52—53.
32. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, д. 393, л. 1; ГАВО, ф. 1300, оп. 1, д. 600, л. 226—227.
33. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 14, д. 46, л. 124.
34. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев..., с. 18; ВЕСЕЛОВ А.П. Борьба с голодом в блокадном Ленинграде. — Отечественная история, 2002, № 3, с. 161, 166.
35. КАЛАШНИКОВА Н.В. История Вологодской милиции. Вологда. 2003, с. 130.
36. ВОАНПИ, ф. 1858, оп. 5, д. 5, л. 163—164.
37. Красный Север, 1943, 15 сентября.
38. Реквием памяти эвакуированных ленинградцев..., с. 15—16.
39. КАЛАШНИКОВА Н.В. Ук. соч., с. 130—131.